

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVIII–XIX ВВ.

Научная статья

В.Б. Парамонов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0118-4460>

E-mail: 1042250080@rudn.ru

В статье проводится анализ трансформации подходов Российской империи к политике в отношении кочевых народов Центральной Азии в XVIII–XIX вв., рассматриваемая как длительный процесс перехода от опосредованного взаимодействия через казачество и местные элиты к прямой административной, правовой и социально-политической интеграции кочевых территорий в политическое пространство государства. В качестве исходного проблемного примера рассматривается биография С.И. Мордвинцева, атамана Переволоцкой крепости, захваченного кочевниками в плен в 1774 г., что позволяет поставить вопрос о реальной степени контроля Российской империи над собственными приграничными территориями и о противоречиях ее политики в отношении кочевого населения. На основе анализа исторических источников и исследовательской литературы показано, что первоначальная модель взаимодействия России с кочевниками была основана на передаче значительной части оборонных и контактных функций казачьим крепостям, вследствие чего именно казачество стало главным посредником между имперской властью и коренным населением Центральной Азии. Однако последующее историческое развитие доказало неэффективность такой модели, из-за чего в работе анализируется изменение подходов Санкт-Петербурга к такому делегированию решения вопросов безопасности в приграничье. Анализируются причины усиления стремления Российской империи к более глубокой интеграции кочевых народов в имперскую систему. Вместе с тем подчеркивается, что опора на местную знать также не обеспечивала устойчивого управления, поскольку административное признание российской власти со стороны элит не означало ее признания широкими слоями кочевого населения, сохранявшего приверженность кланово-племенным структурам. Особое место занимает анализ связи этой трансформации с внешнеполитическими задачами России в Центральной Азии: укреплением безопасности приграничных регионов, развитием торговли с Бухарой и Хивой, а также противостоянием британскому влиянию в рамках «Большой игры». Делается вывод, что политика Российской империи в отношении кочевников представляла собой не одномоментную колониальную экспансию, а медленный и противоречивый процесс поглощения политического наследия Орды, в ходе которого кочевые территории из зоны нестабильного пограничного взаимодействия постепенно превращались в ресурсную и административную базу российского продвижения в Центральную Азию.

Ключевые слова: *кочевые народы, Российская империя, Центральная Азия, казачество, оседлость, кланово-племенные структуры, внешняя политика Российской империи, «Большая игра», приграничные территории, Оренбургская губерния.*

Для цитирования: *Парамонов В.Б. Трансформация российской политики в отношении кочевых народов Центральной Азии в XVIII–XIX вв. // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 4. С. 524–531.*

**THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN POLICY
TOWARDS THE NOMADIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA
IN THE XVIII–XIX CENTURIES**

Research article

V.B. Paramonov

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0118-4460>
E-mail: 1042250080@rudn.ru*

The article analyzes the transformation of the Russian Empire's approaches to policy toward the nomadic peoples of Central Asia in the eighteenth and nineteenth centuries. This transformation is considered as a long-term process of transition from indirect interaction through the Cossacks and local elites to the direct administrative, legal, and socio-political integration of nomadic territories into the political space of the state. The biography of S.I. Mordvintsev, ataman of the Perevolotskaya Fortress, who was captured by nomads in 1774, is examined as the initial problematic case. This example makes it possible to raise the question of the actual degree of control exercised by the Russian Empire over its own border territories, as well as the contradictions of its policy toward the nomadic population. Based on an analysis of historical sources and research literature, the article shows that the initial model of Russia's interaction with nomads was based on transferring a significant part of defensive and contact functions to Cossack fortresses. As a result, the Cossacks became the main intermediaries between imperial authority and the indigenous population of Central Asia. However, subsequent historical developments demonstrated the ineffectiveness of this model, which is why the article analyzes changes in St. Petersburg's approaches to delegating responsibility for security issues in the borderlands. The article also examines the reasons for the Russian Empire's growing aspiration to integrate nomadic peoples more deeply into the imperial system. At the same time, it is emphasized that reliance on the local nobility also failed to ensure stable governance, since the administrative recognition of Russian authority by the elites did not mean its recognition by the broader strata of the nomadic population, who retained their commitment to clan-tribal structures. Particular attention is paid to the connection between this transformation and Russia's foreign policy objectives in Central Asia: strengthening the security of border regions, developing trade with Bukhara and Khiva, and countering British influence within the framework of the «Great Game». The article concludes that the Russian Empire's policy toward nomads was not a one-time act of colonial expansion, but rather a slow and contradictory process of absorbing the political legacy of the Horde, during which nomadic territories gradually transformed from a zone of unstable border interaction into a resource and administrative base for Russia's advance into Central Asia.

Key words: *nomads, Russian Empire, Central Asia, Cossacks, sedentarization, clan-tribal structures, foreign policy of the Russian Empire, «Great Game», border territories, Orenburg Governorate.*

For citation: *Paramonov V.B. The Transformation of Russian policy towards the nomadic peoples of Central Asia in the XVIII–XIX centuries // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 4. P. 524–531. (In Russ.)*

Написание статьи об отношениях Российской империи с кочевниками в XVIII–XIX вв. было обусловлено поиском автором документов о предке в 9-м поколении:

Степан Иванович Мордвинцев (1752–1821) был казаком Переволоцкой крепости, современной Оренбургской области Российской Федерации (рис. 1).

Рис. 1. Генеалогическая связь автора статьи с атаманом Переволоцкой крепости Оренбургской губернии Степаном Ивановичем Мордвинцевым

Источник: подготовлено автором.

Труды Оренбургской ученой архивной комиссии 1903 г. содержат сведения о даче Мордвинцевым показаний 14 июля 1779 г. Из них можно узнать, что во время патрулирования им и другими казаками маршрута между крепостями Переволоцкая и Сорочинская (все они находились в Оренбургской губернии и являлись границами Российской империи с племенами кочевников) в 1774 г. группа казаков во главе со Степаном Ивановичем была захвачена в плен 250 киргизами. После поимки Степана Ивановича его продали за 77 овец в Хиву, где он прожил 3 года. После этого его перепродали в поселение Чагатай (нынешний Китабский район Кашкадарьинской обл. Узбекистана), где он прожил еще 2 года [Материалы по историко-статистическому описанию..., 1903]. Согласно другим архивным документам, Степан Мордвинцев был атаманом Переволоцкой крепости, т.е. одним из руководителей административного поселения Российской империи [Объединенный государственный архив Оренбургской области].

Основываясь на этом конкретном примере, основное внимание уделяется следующим вопросам: почему стало возмож-

ным, что глава административной единицы Российской империи был похищен кочевыми племенами? Как центральное правительство империи в Санкт-Петербурге воспринимало отношения с кочевниками? И как эти отношения повлияли на политику и поведение Российской империи в Центральной Азии в XVIII–XIX вв.? Стоит также отметить, что XVIII–XIX вв. – это период российской экспансии в центральноазиатский регион. И в этом процессе важную роль также сыграли отношения Российской империи с кочевниками, составлявшими подавляющее большинство населения этой части Азии.

Ранний опыт взаимодействия России с кочевыми племенами. Исторически сложилось так, что подобные набеги кочевых племен на приграничные рубежи Руси начались со становлением российской государственности в IX в. Однако набеги хазар, печенегов и половцев никогда не представляли угрозы существованию русского государства – отношения с этими кочевыми племенами часто переходили от войн и грабежей даже к союзническому взаимодействию [Бордачев, 2023: 230–231].

Однако после нескольких столетий владычества Золотой Орды Россия впервые

в своей истории столкнулась с процессом полной интеграции главной внешнеполитической угрозы в свое собственное государство. Одним из первых шагов в этом направлении стало присоединение сибирских земель, также населенных кочевыми племенами. Особо стоит отметить, что подобные шаги осуществлялись по большей части не Московским государством, а казаками, которые в большинстве своем действовали не по указаниям из столицы, а исключительно исходя из собственных (часто корыстных) интересов. Ярким примером являются походы Ермака Тимофеевича, в ходе которых экспансия русского народа на Восток происходила без инициативы и покровительства государства. По итогу центральные власти России просто приняли это и последовали за казаками, приняв новые территории в состав страны. В значительной степени это определило поведение России по отношению к кочевникам на несколько столетий вперед. Как еще в конце XIX в. отмечал профессор В.В. Григорьев, исследовавший центральноазиатский регион, присоединение земель кочевников при Анне Иоанновне (а именно – земель Младшего жуза Казахстана в 1734 г.) неразрывно связано с необходимостью защиты от новых «подданных» [Григорьев, 1874: 15–16].

Непонимание и неприятие кочевниками оседлого характера российского государства, таким образом, привело к необходимости создания линий обороны. Эти линии обороны были созданы из крепостей, населенных казаками. Фактически государство передало полномочия по обеспечению безопасности приграничных регионов Российской империи казачьим крепостям. В связи с этим именно казаки (часто на полулегальном положении) стали ассоциироваться с Россией у коренного населения Центральной Азии. Интересная иллюстрация этого: в некоторых тюркских языках слово «казак» означает «русский» [Самойлович, 1927: 16].

К концу XVIII в. в России окончательно сформировалось мнение о «примитивности» кочевых народов. Таким образом, кочевники были выделены в особую социальную группу, отдельную от оседлого населения. В условиях «оседлого» государ-

ства это означало отчуждение кочевников, признание их «чужаками» [Синицын, 2021: 48]. Эту проблему осознавала и Екатерина Великая, из-за чего деятельность государства изменила вектор от передачи оборонных полномочий от кочевников казачеству к стремлению к окончательной интеграции кочевых народов в общество Российской империи.

На рубеже XVIII–XIX вв. в отношениях между Российской империей и кочевниками сформировалась определенная амбивалентность. Государство, возложив на казаков «сдерживание» кочевников, осталось недовольно отсутствием динамики в вопросе их интеграции в империю. Опыт казаков по внедрению кочевых племен в российское общество XVI в. (со времен Ермака Тимофеевича) в XIX в. оказался нерелевантным и устаревшим. Эта причина во многом является ответом на первый вопрос, поставленный в этом исследовании. Яркой иллюстрацией тому выступает приведенная тем же профессором В.В. Григорьевым официальная позиция Санкт-Петербурга, которая практически оправдывала систематические набеги киргизов и казахов на казачьи линии обороны: «Если они и занимались разбоем, то только из-за несправедливостей и притеснений, которым они подвергались со стороны наших казаков и русского населения на Уральской, Оренбургской и Иртышской линиях» [Григорьев, 1874: 18]. Британский исследователь Доминик Ливен частично затрагивает ту же проблему в своей работе «Russian, imperial and Soviet identities». По его мнению, именно отклонение казаков от официальной позиции империи, несоответствие ее интересам способствовали возникновению их собственной политической идентичности [Lieven, 1998: 261–262]. Имперский режим подавил развитие «зародыша» этой политической идентичности казачества, в результате чего земли, интегрируемые казаками на протяжении нескольких столетий, вошли в лоно Российского государства и впоследствии не поддались развитию националистических тенденций.

Кроме того, доверие государства к казакам как к ответственным за отношения с

кочевниками начало ухудшаться, особенно после восстания Емельяна Пугачева. «Лояльность казаков ненадежна», – писал Григорьев [Григорьев, 1874: 9]. Российская империя больше была не готова противопоставить казаков кочевникам, поэтому отказалась от их услуг в вопросе обеспечения собственной безопасности. В результате многие казачьи крепости вдоль мест обитания кочевников стали менее значимыми и формализованными (в том числе Переволоцкая крепость, атаманом которой был Степан Мордвинцев. В начале XIX в. эта казачья крепость была преобразована в станицу, у нее больше не было оборонительных функций.).

Внутриполитический контекст российской политики в отношении кочевых народов. Отвечая на второй поставленный вопрос, стоит упомянуть, что Российская империя вобрала в себя элиту присоединенных народов. Обеспечив доступ, в том числе номенклатуре кочевников, к правящей элите, Санкт-Петербург не использовал новые земли в качестве колоний в классическом европейском смысле. Средства, заработанные в Великороссии (в историческом ядре Российской империи), также шли на развитие земель Центральной Азии. Одним из примеров этого является личное участие Екатерины Великой в строительстве медресе в регионе. Таким образом, русское управление кочевым населением вплоть до XIX в. осуществлялось косвенно: во-первых, через институт казачества, о котором было рассказано в первой части статьи; во-вторых, через местную элиту, которая выполняла посреднические функции.

Опора на элиту кочевых племен создавала определенные трудности. Местные лидеры по своему характеру сильно отличались от европейских государей. Они, будучи административными лидерами, не имели власти и влияния на кочевые народы [Викторин, Идрисов, 2013: 218]. Приверженность кочевников к кланово-племенным структурам фактически привела к тому, что признание местной элитой российской власти не нашло отражения среди широких слоев местного населения. Именно поэтому в течение XIX в. постепенно усиливалась деятельность по интеграции «кочевых» регионов в общероссийское поли-

тическое и правовое пространство. Постепенно внедряется российская система государственного управления и ликвидируются те традиционные институты, которые по тем или иным причинам не вписывались в формат управления империи. Этими действиями Российская империя ликвидировала последние опоры «посредничества» в отношениях с кочевым населением. Конкретные примеры такой политики: 1847 г. – замена правителя Калмыцкого улуса коллегиальным органом управления; 1845 г. – упразднение ханства в Букеевской орде; 1868 г. – административное деление казахских степей, их стандартизация в соответствии с административным принципом других губерний [Авлиев, 2017: 22]. Важным моментом также является то, что в это время активно набирает темпы целенаправленное привлечение кочевой знати к военной службе. Самый известный пример – Чокан Валиханов, представитель казахской знати, который стал офицером российской армии и успешно выполнял специальные поручения российского правительства в Киргизии, Южном Казахстане и Восточном Туркестане [Зуев, Кадырбаев, 2000: 58].

Внешнеполитическое измерение российской политики в регионе Центральной Азии. Отношения империи с кочевниками во многом повлияли на внешнюю политику России в Центральной Азии. Взяв вопрос отношений с кочевниками в свои руки, российское правительство продолжило присоединение исконных кочевнических земель. Особенностью этого периода была необходимость территориальной экспансии в Центральной Азии в связи с расширением сферы влияния в этом регионе одного из главных оппонентов России на международной арене той эпохи – Великобритании. Ключевой проблемой в эти годы также оставалось нежелание и неспособность многих киргизских, казахских и калмыцких племен перейти к оседлому образу жизни. Широкая группа кочевников, населявших территорию к югу от Урала, препятствовала развитию торговли между Российской империей и оседлыми городами Центральной Азии – в первую очередь, с Бухарой и Хивой (в то время входившими в состав Хивинского ханства). В контексте «Большой

игры» такая уязвимость России создала серьезную проблему, которую необходимо было решить.

Кроме того, именно заселение и подчинение диких кочевников потенциально создавало возможности для расширения торговли до границ Индии. Как отмечает профессор Григорьев, об этом постоянно мечтали российские государственные деятели, уделявшие особое внимание Азии [Григорьев, 1874: 20].

Следует, однако, отметить, что хотя политика Российской империи в Центральной Азии в этот период была связана с укреплением собственной безопасности и переводом кочевников к оседлому образу жизни, геополитическое противостояние с растущим влиянием Великобритании имело первостепенное значение. В этом аспекте территории кочевников были ресурсной базой для внешнеполитического противостояния. Чтобы эффективно использовать эту ресурсную базу, со второй половины XIX в. Российская империя предпринимает действия по укреплению оседлого образа жизни в регионе: было проведено массовое переселение крестьян из Центральной России и Украины на кочевые земли. В результате усилилось экономическое давление на кочевых киргизов, казахов и туркмен, которые часто были вынуждены перейти к оседлости и городской жизни. Кроме того, переход кочевников к оседлому образу жизни был неразрывно связан с распространением ислама среди жителей Центральной Азии.

Со времен Екатерины Великой возникла идея о том, что ислам должен быть поставлен на службу интересам России, чтобы укрепить лояльность кочевников и обеспечить мирное сосуществование народов внутри государства [Синицын, 2021: 46].

Несмотря на то что значительная часть мусульманского населения была уязвима, в частности, перед антироссийской пропагандой Османской империи, политика Российской империи в отношении кочевников заключалась в искоренении «язычества»,

которое придавало «дикость» кочевым племенам. Таким образом, изменив образ жизни кочевников и используя их для обеспечения государственных интересов, Российская империя решила свои внешнеполитические задачи: в 1865 г. было завоевано Кокандское ханство, а в 1868–1873 гг. Бухарский эмират и Хивинское ханство перешли в подчинение Санкт-Петербурга. В результате завоевание Россией Центральной Азии закончилось в 1895 г., когда было закреплено разделение сфер влияния России и Великобритании.

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что политика Российской империи в отношении кочевников – это медленный процесс поглощения политического наследия Золотой Орды, поверженного врага, представлявшего угрозу независимости и существованию Российского государства. С момента освобождения Руси от ордынского ига до окончательного формирования ее границ в Центральной Азии прошло около 4 столетий. Причиной такой медлительности процесса является европейская направленность внешней политики Российской империи.

Несмотря на систематические набеги и грабежи кочевых народов на приграничные рубежи России (в нашем случае – на примере Степана Ивановича Мордвинцева из Переволоцкой крепости в Оренбургской губернии), они никогда не воспринимались как существенная угроза безопасности и существованию государства.

С годами сила сдерживания кочевников была передана Санкт-Петербургом в руки казаков.

И только когда кочевники стали иметь значение в отношениях России и Запада, государство избавилось от посредничества казаков и начало встраивать кочевые племена в систему Российского государства, используя различные методы – от интеграции местных элит в российскую элиту до принуждения их вести оседлый образ жизни в России, чтобы управлять кочевыми массами с точки зрения привычного государственного устройства.

ЛИТЕРАТУРА

Авлиев В.Н., Горяев М.С. Кочевая аристократия в контексте национальной политики Российского государства в последней трети XVIII – первой половине XIX в. (на примере калмыков) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2. С. 19–22.

Бордачёв Т.В. Русская внешнеполитическая культура и Орда: статья-гипотеза // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 210–237.

Викторин В.М., Идрисов Э.Ш. Кочевники и полукочевники Нижнего Поволжья в составе России: социально-хозяйственная и политико-потестарная эволюция в XVIII – начале XX в. // Ранние формы потестарных систем. СПб, 2013. 384 с.

Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии: исторический очерк В.В., проф. Имп. С.-Петерб. ун-та. СПб: Типография В. Безобразова, 1874. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003586875 (дата обращения: 12.05.2026).

Зуев Ю.А., Кадырбаев, А.Ш. Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 38–60.

Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 3. Оренбург: Тип. Н.Г. Волкова, 1903. 161 с. URL: <https://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&catid=68&to=open&id=1173> (дата обращения: 12.05.2026).

Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 173. Оп. 11. Д. 148. С. 106–107.

Самойлович А. О слове «казак» // Казаки: антропологические очерки. Л., 1927.

Синицын Ф.Л. Россия и кочевники. От древности до революции. М.: Вече, 2021. 198 с.

Lieven D. Russian, imperial and Soviet identities // Transactions of the Royal Historical Society. 1998. № 8. P. 253–269.

REFERENCES

Avliev V.N., Goryaev M.S. Kochevaya aristokratiya v kontekste natsionalnoy politiki Rossiyskogo gosudarstva v posledney treti XVIII – pervoy polovine XIX v. (na primere kalmykov) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 2. S. 19–22. (In Russ.) [*Avliev V.N., Goryaev M.S.* Nomadic Aristocracy in the Context of the National Policy of the Russian State in the Last Third of the 18th – First Half of the 19th Century (using the Kalmyks as an Example) // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. 2017. № 2. P. 19–22.]

Bordachev T.V. Russkaya vneshnepoliticheskaya kultura i Orda: statya-gipoteza // Rossiya v globalnoy politike. 2023. T. 21. № 1. S. 210–237. (In Russ.) [*Bordachev T.V.* Russian Foreign Policy Culture and the Horde: A Hypothesis Article // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21. № 1. P. 210–237.]

Lieven D. Russian, imperial and Soviet identities // Transactions of the Royal Historical Society. 1998. № 8. P. 253–269.

Grigoriev V.V. Russkaya politika v otnoshenii k Sredney Azii: Istoricheskiy ocherk V.V. prof. Imp. SPb un-ta. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Bezobrazova, 1874. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003586875 (date accessed: 12.05.2026). (In Russ.) [*Grigoriev V.V.* Russian Policy Towards Central Asia: Historical Essay by V.V. prof. Imperial St. Petersburg University. St. Petersburg: V. Bezobrazov Printing House, 1874. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003586875 (date accessed: 12.05.2026).]

Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'yego voyska. Vyp. 3. Orenburg: Tip. N.G. Volkova, 1903. 161 s. URL: <https://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&catid=68&to=open&id=1173> (data obrashcheniya: 12.05.2026). Ob'yedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti. F. 173. Op. 11. D. 148. S. 106–107. (In Russ.) [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack Host. Issue 3. Orenburg: N.G. Volkova Press, 1903. 161 p. URL: <https://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&catid=68&to=open&id=1173> (data accessed: 12.05.2026).]

Ob'edinenniy gosudarstvennyy arxiv Orenburgskoi oblasti. F. 173. Op. 11. D. 148. S. 106–107. (In Russ.) [United State Archives of the Orenburg Region. Fund 173. Op. 11. D. 148. P. 106–107.]

Samoylovich A. O slove «kazak» // Kazaki: antropologicheskie ocherki. L. 1927. (In Russ.) [*Samoylovich A.* On the Word «Cossack» // Cossacks: Anthropological Essays. Leningrad, 1927.]

Sinitsyn F. L. Rossiya i kochevniki. Ot drevnosti do revolyutsii. M.: Veche, 2021. 198 s. (In Russ.) [*Sinitsyn F.L.* Russia and the Nomads. From Antiquity to Revolution. M.: Veche, 2021. 198 p.]

Viktorin V.M., Idrisov E.Sh. Kochevniki i polukochevniki Nizhnego Povolzhya v sostave Rossii: sotsialno-khozyaystvennaya i politiko-potestarnaya evolyutsiya v XVIII – nachale XX v. // Rannie formy potestarnykh sistem. SPb, 2013. 384 s. (In Russ.) [*Viktorin V.M., Idrisov E.Sh.* Nomads and Semi-Nomads of the Lower Volga Region as Part of Russia: Socioeconomic and Political-Potestary Evolution in the 18th – Early 20th Centuries // Early Forms of Potestary Systems. St. Petersburg, 2013. 384 p.]

Zuev Yu.A., Kadyrbaev A.Sh. Pokhod Ermaka v Sibir: tyurkskie motivy v russkoy teme // Vestnik Evrazii. 2000. № 3. S. 38–60. (In Russ.) [*Zuev Yu.A., Kadyrbaev A.Sh.* Ermak's Campaign to Siberia: Turkic Motifs in the Russian Theme // Vestnik Evrazii. 2000. № 3. P. 38–60.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Парамонов Владислав Борисович, студент 1-го года аспирантуры программы «История международных отношений и внешней политики» кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).

E-mail: 1042250080@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav B. Paramonov, first-year postgraduate student of the «History of International Relations and Foreign Policy program» of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).

E-mail: 1042250080@rudn.ru